

Г.Померанц

Парадоксы диаспоры

«Как странно быть персом!»

Монтескье

В середине октября я побывал на конференции в Иерусалиме. Город меня захватил, я, кажется, никогда не забуду ни на что я похожий клубок страстей, застывших в камне, под уходящим в бесконечность, отовсюду открытым небом. Конференция не понравилась. Непонятно, для чего пригласили делегацию из России, не включив никого в список ораторов. Мы впрочем общались с читателями русской литературы. Уехавшие из России, они очень тосковали по всему русскому. Из одной диаспоры – в другую: в России были евреями, в Израиле оказались русскими. На марше сочувствия по главным улицам города русский флаг встречали криками «ура» и русские девушки-солдаты рисовали себе цвета триколора на щеках (видимо, с помощью своей косметики).

Репатриант пользуется всеми юридическими правами, но психологически он вроде еврея в России (который тоже пользуется всеми юридическими правами). Чтобы почувствовать себя вполне израильянином, надо родиться в Израиле, стать саброй (по-нашему говоря, принадлежать к титульной нации). Сабры смотрят на пришельца несколько свысока. Израильское почвенничество менее агрессивно, чем русское, но что есть, то есть.

А между тем, я вовсе не стыжусь своей двуприродности. Мне уже приходилось сравнивать ее с Австро-Венгрией, давшей миру Моцарта, Гайдна и много другой хорошей музыки. Это не мешанина, а культурная форма, медленно складывающаяся. В моем опыте прошло лет 12-13, пока я почувствовал преимущества этой формы и ответил товарищу, что смотрю на Достоевского одновременно изнутри и извне. Процесс шел стихийно, с 7 до 20 лет. Чем старше человек, чем все труднее. Многие молодые люди, рванувшиеся в Европу, через 2-

3-4 года начинают томиться и возвращаются. Я это продумал еще в начале 70-х годов и решил, что трудности в России меньше вредят внутренней жизни, чем европейский или израильский климат. Не потому, что он плох, – а непривычен.

Евреи, по крайней мере с Вавилонского плена, народ диаспоры, во многие века – абсолютной диаспоры, с молитвенником вместо почвы. И эти века вовсе не были неплодотворными. Фанатизм религий, выросших из еврейского лона, примерно на 2000 лет придавил еврейство настолько, что культурная плодovitость его снизилась. Но в последний век энергия, вырвавшаяся на простор, опять себя запечатлела – и в великом, и в низком. Появились и новые диаспоры. Например, зарубежные китайцы. Еврейский пример позволяет лучше понять общие парадоксы диаспоры.

Ошибка многих в том, что они творческие возможности диаспоры совершенно не замечают и все ее особенности рассматривают как странности и пороки. Оговариваясь, что встречаются среди евреев и хорошие люди. Если опрокинуть такую методологию на русских, то можно сказать, что из четырех сыновей Ф.П.Карамазова типичен Смердяков; хотя мы объективно признаем, что есть среди них и очень хороший человек, Алеша.

На фронте мне не раз приходилось слышать такие комплименты о самом себе, – особенно под хмельком: «Что ты тут делаешь, Померанц? Твои же все в Ташкенте!» Я махал рукой и предлагал чокнуться. Однако попробуем разобраться дело всерьез, хотя бы вкратце (более подробно см. в «Записках гадкого утенка»).

Во-первых. что общего у всех народов диаспоры? Беззащитность. Эта беззащитность заставляет одних изворачиваться и создавать себе защиту в усиленной солидарности или в очень большом богатстве. А других заставляет задуматься, как бы сделать каждого человека защищенным? Евреи – очень старый народ диаспоры, они успели создать Библию, и там красной нитью проходят слова: «Будь милостив к страннику (чужаку, изгою), ибо сам ты был странником в земле Египетской». И Ветхий, и Новый Завет – это не дело одного хорошего еврея; один, даже Иисус, был бы забыт, если бы не нашел учеников. Идеалистов

всегда мало. Но ведь и Алешу Карамазова или князя Мышкина не встретишь на каждом углу. Смердяковы попадают чаще.

Во-вторых, в жизни самое противоположное смешивается. Смердяков читает Исаака Сирина, Алеша (по замыслу Достоевского) мог стать террористом. Библейский Авраам, основатель единобожия, был изворотливый торгаш и чуть не продал Сарру, свою жену, выдавая ее за сестру. А то бывает, что муж – раввин, сидит за книгами, постигает, как Бог велел жить, а жена сидит в лавочке и обсчитывает покупателей.

Сионисты считали, что галут, диаспора (по-русски рассеянное) ненормальное состояние и надо его упразднить. Но история движется в противоположном направлении. Все больше армян бегут из Закавказья, все больше бывших югославов – из бывшей Югославии.. Я мог бы продолжать список на страницу. Одних гонит становление национальных государств, в которых они вдруг оказались чужими, других – голод. Но в любом из центров мировой цивилизации собираются группы диаспоры. И никто из них не садится на землю. Старые диаспоры, унесшие с родины свою особую религию и привычки интеллектуального труда, повсюду занимают одни и те же секторы¹. Например, в Малайе диаспора закрепились в финансах, в науке и в СМИ. Вы думаете, евреи? Ничего подобного – китайцы, завезенные англичанами в качестве кули (чернорабочие). Павел Литвинов, бывший диссидент, а сейчас преподаватель колледжа, рассказывал мне, что самые способные студенты у него не евреи, а китайцы, корейцы, вьетнамцы. Евреи в Штатах почувствовали себя дома и полениваются. Беженца с Дальнего Востока подхлестывает стресс: только с солидным дипломом он станет уважаемым гражданином Соединенных Штатов.

Таким образом, сосредоточенность русских евреев в больших городах России – не парадокс, а норма. Парадокс – то, что некоторые студенты Харьковского университета бросили в 1881 году учиться и поехали в Палестину пахать землю. Их вытолкнула волна погромов, довольно искусственно связанная с царубийством. Убил царя поляк Гриневецкий, платком взмахнула Перовская.

Геся Гельфман, беременная на последнем месяце, была хозяйкой конспиративной квартиры. Во времена моего детства, прославляя героев «Народной воли», ее ни разу не упоминали. Но достаточно было одной еврейской фамилии, чтобы совершились события, роковые и для России, и для Палестины. Есть свидетельства, что новый царь вел себя как Иван Карамазов: он не велел бить евреев, но и не помешал, не принял мер предотвратить вероятное насилие. Размах погромов вызвал его неудовольствие. Погромщиков, задержанных полицией, приказано было выпороть. Но колесо истории уже покатилося.

Русская империя, захватив часть Речи Посполитой, остановила там погромы. Благодарные евреи поддержали Россию в 1812 году, несмотря на все посулы Наполеона. Погромы 1881 г. все испортили. Столичное русское общество их почти не заметило. Но евреи все вспомнили: четыреста тысяч, вырезанных казаками Богдана Хмельницкого, памятник которому украшает Киев, и новые зверства Железняка и Гонты в XVIII веке; женщинам отрезали груди, вспарывали животы и зашивали в чрево живых кошек... Память об этом, сохраненная в поэме Тараса Шевченко, оказалась живой, действенной, и легко перешагнула через сто лет. Евреи снова с ужасом почувствовали свою чудовищную незащитность. Кучка харьковских студентов рванулась в Палестину. Но в десять, в двадцать раз больше молодых евреев потянулось в левые движения, обещавшие пересоздать Россию, вырвать ее из средних веков. Это казалось разумным – и завело в советский абсурд. А нелепый бросок студентов возделывать своими неумелыми руками землю Палестины был поддержан бегством от Гитлера, и возникло убежище для тех, кто спасся от лагерей смерти или не хотел в них попасть. Прочно ли это убежище – покажет XXI век.

Беззащитность еврея входит в какой-то таинственный план. Одну из ночей в Бутырках я не спал, думал об этом и выбрал свою роль: решать неразрешимую задачу, чтобы каждый человек на земле был защищен. Ибо пока этого нет, человек диаспоры заведомо не защищен.

¹ В самом Израиле сельским хозяйством занимается 2% населения.

Тут действует какой-то очень старый план. И материалисты диаспоры изворачиваются, сбиваются в подобия мафии, а идеалисты решают квадратуру круга. Так ведется 2000 лет, с тех пор, когда Иуда продал Иисуса, а Иисус не стал защищаться. Я хорошо помню, что оба они – одного племени. От этого парадокса еще в древности пытались уйти восточные церкви, решив, что божественное поглотило в Иисусе человеческое. Но Халкидокский собор осудил ересь монофизитов и постановил, что Христос вполне Бог и вполне человек, стало быть – вполне еврей, и кто не признает Иисуса евреем, обречены гореть в огне неугасимом до Страшного суда, а тогда уж окончательно исповедовать, перед лицом Иисуса, сына Марии, признают ли они его тем, кем он был. Более просто это выразил Ключев в споре с Клычковым: «А ведь тот, исходивший с крестом Русь, – жидовочкин сын!»

Вот поистине парадокс диаспоры – от Авраама, продающего Сарру, до Иисуса с Иудой. Ну, а вокруг этого парадокса накопилась целая гора фантомов, начиная с кровавого навета и до заговора Сионских мудрецов. Обо всем этом много писано, и я прибавлю только о двух фантомах, возникших прямо у меня на глазах, во время войны.

Первая тайна – почему евреев не было в передовой цепи? Потому что их очень редко направляли в стрелковые роты. Еврей мог стать стрелком скорее в обход райвоенкомата, записавшись в ополчение. Так я и мои друзья записались 16 октября 1941 года, чтобы защищать окраины Москвы, если немцы прямо на них пойдут. В нашем отделении было три еврея. В группе, стихийно сложившейся в первом бою, уже в феврале 1942-го, был пулеметчик Пурнашкин (мордвин), двое русских и два еврея, оба в очках. Один из них я, другой некто Френкель; и девушку вспоминаю, рядом с которой рыл окоп под Москвой, в ноябре 41-го, тоже еврейка. Общих процентов я не подсчитывал, но думаю, что порядка десяти. Еврейские лица всюду мелькали. То же примерно мне рассказывали о первом, июльском ополчении.

Однако райвоенкомат исходил из того, что на современной войне нельзя использовать образованных людей в качестве рядовых пехотинцев.

Интеллигентов посылали в военные школы. А мальчиков со средним образованием, попадавших в маршевые роты, разбирали сперва армейские спецподразделения, армейские артиллеристы, потом – в стрелковых дивизиях – артиллерийский полк и т.п., в полках – опять артиллеристы и минометчики, и, наконец, в батальоне – минометная рота. В стрелковые роты поступали большею частью колхозники, с образованием от 7 классов и ниже; или наспех мобилизованные из только что освобожденных областей, где евреи были изъяты зондеркомандами.

В батарее звуковой разведки, которой командовал капитан Солженицын, служили два еврея: это обычный факт. Служили евреи и в стрелявших батареях, я встречал. Там нужно знать тригонометрию. А вот евреев в стрелковой цепи, в обыкновенной, не ополченской 258 стрелковой дивизии, за два года службы там – не встречал. Слышал о еврее – командире стрелковой роты, но познакомиться с ним не успел. Зато, по своей службе газетчика, успел подружиться с двумя евреями – командирами батальонов, с некоторыми ПНШ (офицерами штаба полков); и, наконец, 258 стрелковая дивизия стала 96-й гвардейской под командой полковника Левина.

Теперь вспомните, что по числу награжденных евреи стоят на четвертом месте, обойдя казанских татар и башкир (по моему убеждению, – лучших наших пехотинцев). По Героям Советского Союза евреи на шестом месте (после татар и башкир), но представление на Героя лично подписывал Сталин, а он евреев не любил. Во всяком случае, и по Героям место евреев по числу награжденных выше, чем по числу призванных. Я только из немецких источников узнал, что по числу призванных место евреев седьмое. А более точные данные появились совсем недавно. Русские исследователи стараются не наталкивать читателя на расчет: а сколько же выходит награжденных на 100.000 призванных. Расчет показывает то, что без объяснения нелепо: по числу награжденных на 100.000 призванных евреи обходят всех. Почему? Евреи воевали не лучше всех, а примерно так же, как русские, украинцы, татары. Но статистику раздувает высокий уровень образованности. Евреи – народ диаспоры. Среди них более двух

тысяч лет не было малограмотных крестьян. И все эти две тысячи лет люди работали головой больше, чем руками. После упразднения процентной нормы очень многие устремились в институты, университеты. И когда началась война, евреи служили офицерами чаще, чем солдатами. А офицеры получают ордена гораздо чаще, чем солдаты. Оставаясь формально рядовым, я получил только скромную медаль «За боевые заслуги»; а получив звание младшего лейтенанта – орден «Красной звезды» и «Отечественной войны II степени» (хотя не стал ни умнее, ни добросовестнее, ни храбрее).

Бедолага – пехотинец, искалеченный войной, мог ворчать, что не встречал евреев в передовой цепи; молва охотно это подхватывала. Но здесь не было никакой еврейской хитрости. Действовал общий порядок комплектования и общий порядок войны. Рядовых пехотинцев больше всего убивали и меньше всего награждали.

Остается объяснить, откуда взялся 5-й Украинский фронт и как он воевал. Люди моего возраста все помнят шутку, что 5-й Украинский фронт взял Ташкент. Но только летом 1944 года передо мной раскрылась тайна, как это вышло. Я служил тогда недолгое время комсоргом 3-го батальона 291 гв.с.п. И наш батальон неожиданно получил пополнение – 8 или 9 евреев. Трое – с высшим образованием (двое варшавян и один из Кишинева). Я поговорил с ними и узнал, что все они – беженцы из областей, присоединенных в 1939–1940 гг. или даже из Польши. Все приняли советское гражданство (тех, кто отказался это сделать, отправили в лагеря; оттуда потом выходцы из Польши попали в армию Андерса). Однако присоединения 1939–1940 г. никем не были признаны. И если бы наша армия в 1945 г. оставалась где-то на Днестре, то эти присоединения могли быть аннулированы. Поэтому беженцев трактовали как полуиностранных, посылали на трудовой фронт, но в армию не брали. И множество беженцев скопилось в Ташкенте: во-первых, тепло; во-вторых, подальше от Гитлера.

Положение изменилось в 1943 году. После капитуляции Паулюса и победы на Курской дуге, Сталину море стало по колена и он распорядился беженцев

призвать и отправить рядовыми в стрелковые роты. Невзирая ни на какие дипломы.

Вскоре рота лейтенанта Сидорова, куда попали беженцы, отличилась в бою. За исключением одного, беженцы держались прекрасно. Нелицеприятный Сидоров шестерых евреев представил к медали «За отвагу». Я как литератор оформлял наградные дела; замполит, старший лейтенант Скворцов, только подписывал. На этот раз – не подписал: «Недавние советские граждане, пусть еще повоюют». Как могли повоевать четверо раненых и эвакуированных, оставалось неясно. Самому Сидорову я написал красивое представление, кажется, на «Красное знамя», но он махнул рукой: с 1941 г. в черном списке, вышел из окружения без знаков различия. С тех пор – лейтенантом, командиром стрелковой роты, без продвижения и без орденов. К своей судьбе он относился с великим терпением, солдаты в него верили – и не подвели в бою... После второго боя Сидоров снова представил к медали «За отвагу» двух евреев, оставшихся в строю. На этот раз Скворцов подписал.

Через несколько дней одному из оставшихся отшибло миной левую руку по локоть. Последний, старшина Эйдельман, агроном из Молдавии, был назначен командиром хозяйственного взвода вместо прежнего, украинца, в состоянии шока выстрелившего себе в руку и без огласки пониженного в должности (гуманное решение комбат скрепил парой оплеух). И опять в стрелковой цепи не оказалось ни одного еврея.